

Новому фильму Романа Балаяна/ «Две луны, три солнца» (производство «НТВ-ПРОФИТ» и украинских студий «1+1» и «Иллюзион Филмз») устроили во время первого московского показа полный аншлаг. Но ажиотаж вокруг этой картины вряд ли был оправдан. В 80-е его «Полеты во сне и наяву» и «Храни меня, мой талисман» покупали публику тем, что в этих фильмах было то, чего не показывают по телевизору и о чем не пишут в газетах. Там был небанальный рассказ о потайном мире людей, которые ходят рядом с нами по улице. Балаян образца 98-го оказался с головы до ног соткан из общеизвестных и уже мало кого интригующих клише и банальностей. Чтобы почувствовать это, достаточно, даже не видя фильма, просто ознакомиться с его «либретто».

МАШКОВ ВОЕТ НА ЛУНУ

А солнце Балаяна куда-то закатилось

Главный герой (Владимир Машков) — русский по матери и чеченец по отцу — стопроцентный интеллигент, который трудится в своем НИИ и заканчивает диссертацию. Незнакомый старик чеченец (Константин Степанков) приносит герою весть о том, что его брат, воевавший против российской армии, попал в плен, после чего российские солдаты по приказу своего командира, москвича-контрактника, живьем закопали его в землю. Старик призывает отомстить и подлого контрактника прикончить. Интеллигент-Машков сначала сопротивляется: мол, все это — дикость и варварство. Но квартиру своего кровного врага все-таки находит. Маленький сын военного через дверь сообщает ему, что папа будет через два дня — надо переждать две луны и три солнца (отсюда и название фильма). А после того, как московская милиция избивает героя и на его глазах «вяжет» престарелого мстителя-чеченца, интеллигент тоже начинает жаждать крови и отправляется убивать контрактника. Но когда врывается к нему с «пушкой», тот уже болтается в петле — не вынес тяжких воспоминаний, повесился. Однако подозрение оперативников все равно падает на горе-мстителя — Машкова, и на него открывают форменную охоту. Но в финале как-то вроде уже и не хотят его отлавливать. Параллельно существует, само собой, и мелодраматическая линия. В обаяшку Машкова вторилась соседка контрактника (Елена Шевченко), которая после допроса, учиненного ей следователями, бежит предупредить любимого и гибнет на ночной московской улице под колесами грузовика. Все это перемежается тяжелыми и зловещими паузами и прямо-таки хичкоковскими скольжениями «тревожной» камеры оператора Богдана Вержбицкого по уличным и квартирным интерьерам. Короче, очередная, на сей раз интеллигентская вариация уже привычной «чернухи».

— Роман Гургенович, — обратился корреспондент «МК» к режиссеру, — ваш фильм оставляет ощущение растерянности, страха и прямо-таки депрессивной подавленности.

— Вот и замечательно. Это и есть мое ощущение сегодняшней жизни.

— Но сейчас в нашем кино как бы не принято тащить на экран героя-аутсайдера, все эти мрачные неудачники выходят из моды.

— А я никогда и не стремился делать модные фильмы. Конъюнктура — это вообще не моя тема.

Машков: «Гадом буду — рефлексирую!»

— Вы посвятили фильм своему брату Валерию. Почему? Его жизнь как-то связана с военной темой?

— Да нет. Я просто хотел сделать картину в память о нем. Мой брат умер в прошлом году. Военным он никогда не был, в боевых действиях не участвовал. Но он жил в Карабахе. Сами понимаете...

Понятно, что Балаян на полном серьезе снял очень личный и почти автобиографический фильм. И, несмотря на откровенные банальности, а порой и элементарные логические нестыковки экранного изложения, ирония по отношению к фильму «Две луны, три солнца» как-то неуместна. Ну да черт с ней, с иронией. Не в ней дело. Разумеется, Балаян, всю свою кинематографическую жизнь существовавший в ситуации некоторого раздвоения (жил в Киеве, а работал с московскими авторами и звездами экрана) и в последние годы в силу общеизвестных причин ощутивший это раздвоение вдвойне, теперь разбирается на экране со всеми вытекающими отсюда комплексами. Причем разбирается местами на удивление неуклюже для такого крепкого профессионала, норовя каждый ударный кадр разжевать непонятливой публике на словах и тем самым гробя все мало-мальские удачные ходы в своем фильме. Понятно, что Балаян в конце 90-х интересуется не только война российской и чеченской армий, но и происходящая внутри его героя война двух начал — рефлексии интеллигента из давних «Полетов во сне и наяву» и дикаря, к превращению в которого усиленно подталкивает жизнь. Только вот Владимир Машков — это даже не Янковский образца 83-го года. На полного мятущегося интеллектуала он не тянет. И приходится ему усиленно давить в себе привычный образ плейбоя с большим жизненным опытом. Но до конца додавить не удается. Тем более что опять по нему все бабенки в фильме сохнут, а одна «снимает» усатого красавчика при первой же случайной встрече во дворе и уже через пару часов превращается в его любовницу.

Сейчас какой более-менее заметный российский кинопроект ни возьми — везде сплошной Машков. По крайней мере, «НТВ-ПРОФИТ» уже превратила его в свое боевое знамя — чуть ли не все картины здесь в последнее время делают под Машкова. Ладно — во Франции Делон с Бельмондо по миллиону ролей в кино переиграли. Ну так там какие объемы кинопроизводства! А при наших нынешних полтора заметных картинах в сезон столь чрезмерное пристрастие кинопроизводителей к актерским талантам г-на Машкова пахнет серьезным продюсерским просчетом. Не перекормили бы несчастную публику. Во всяком случае, как выяснилось после фильма «Две луны, три солнца», участие в картине этой звезды российского экрана не всегда полезно.

— Роман Гургенович, что же это получается: все наши режиссеры прямо-таки обречены на Машкова? И вы туда же?

— Приглашение его на главную роль было требованием продюсеров. Я сначала упирался, но Володя очень неплохо сработал, так что жалеть вроде бы не о чем. Хотя я и хотел снимать другого артиста.

Говорят, Балаян хотел снимать не кого-нибудь, а Шамиля Басаева. И жаль, что не снял. Во всяком случае, сам факт подобного актерского дебюта вполне мог спасти фильм Балаяна, даже такой, каким он получился.

Надо признать, что нас постигла очередная волна «военного» кинематографа. В каждом втором фильме прямо или косвенно говорится либо о Чечне, либо о неких условных «горячих точках» наших дней. Но поток военной героики и военной лирики после победы во второй мировой был делом заведомо естественным. А наша недавняя «маленькая» война была войной уродливой и неправильной. И кино теперь получается ей под стать.

Арсений СУХОВЕРХОВ.

Машков. Мелодрама. — 1998. — 11 апр. — № 4